

УДК 821.161.1(092) Пушкин А.С.+930.2+94(44)“19”

Е. А. Федунова

(Новосибирский государственный педагогический университет)

ИСТОРИЧЕСКИЙ «ОПЫТ» ФРАНЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПУШКИНСКОЙ АНАЛИТИКИ

В статье рассматриваются особенности рецепции и оценки Пушкиным французского историко-социального контекста на материале писем, критических и публицистических статей писателя.

Ключевые слова: Пушкин, Франция, история, культура, французский.

This article is devoted to the features of Poushkin's reception and assessment of French historical and social contexts represented in his letters, critique and articles.

Насыщенная грандиозными событиями история Франции обуславливала не просто повышенное к себе внимание, но оказывалась органически вплетенной в процесс становления и развития личности Пушкина. Б.М. Гаспаров писал, что и сама личность поэта способствовала «максимально полному усвоению им всего культурного материала, предлагавшегося эпохой» [1, с. 76]. Вместе с тем пушкинский дар особой восприимчивости к разнообразному «культурному материалу» был реализован в условиях пространственной изоляции поэта, обеспеченной двумя ссылками [1].

В случае с Францией, вероятно, такая дистанцированность давала выход рефлексии и способствовала философски более глубокому проникновению в природу реалий французской жизни, истории, культуры¹.

Наше обращение именно к пушкинским письмам, критическим и публицистическим статьям не случайно: можно сказать, что именно письма и публицистические статьи Пушкина зачастую оказывались своеобразной основой в формировании определенных идей, тем, мотивов, которые получали свое дальнейшее развитие в художественных произведениях поэта. Не случайно Я.Л. Левкович называет письма Пушкина лабораторией «его художественной прозы» [2, с. 5].

Рассматривая пушкинские тексты, с точки зрения отражения в них ре-

лий французской жизни, необходимо признать, что какого бы то ни было специального отбора исторических, политических тем Пушкин, вероятно, не производил, что придает определенную сегментированность, разнородность «французскому» материалу. Направление этого своеобразного диалога «диктовали», с одной стороны, сама Франция, насыщенная историческими и культурными событиями, с другой – аналогичные обстоятельства не менее сложной исторической и культурной жизни России, кроме того (что не менее важно), разнообразные обстоятельства жизни самого поэта.

Интересна пушкинская манера «переработки» и подачи материала, при которой частная ситуация, разворачиваясь, получает совершенно неожиданный ракурс. Или, напротив, масштабное историческое, культурное событие оказывается выразителем индивидуальных проблем художника.

В заметке о «Железной маске» Пушкин приводит отрывок из книги Вольтера «Время Людовика XIV и Людовика XV»; комментируя его, писатель высказывает множество версий относительно того, кто мог бы скрываться под «железной маской»: «Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Железная маска был граф de Vermandois, осужденный на вечное заключение будто бы за пощечину, им данную дофину (Людовику XIV). Другие видели в нем герцога де Бофор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни парижской, пропавшего без вести во время осады Кандии в 1669 г.; третьи утверждали, что он был не кто иной, как герцог Монмуф, и проч. и проч.» [4, XII, с. 46].

Исторический эпизод из жизни фран-

¹ Поразительными оказываются степень включенности и быстрота пушкинской реакции даже на незначительные французские события. Б.В. Томашевский приводит целую хронику подобных эпизодов. Так, премьера трагедии Л. Арно «Последний день Тиберия» состоялась в Париже 2 февраля 1828 г., а отклик Пушкина на эту постановку появляется уже через 21 день, в его «письме о Годунове», прочитанном В.А. Титову, о чем последний сообщает в письме М. Погодину от 23 февраля 1828 г. [6, с. 70–71].

цузского двора, окруженный тайной, не мог не привлекать Пушкина как потенциальный литературный сюжет. Но еще более поражает осведомленность Пушкина в таких «темных обстоятельствах», которые, вероятно, и не всякому французу известны в подробностях. Тем не менее, все версии, выдвигаемые Пушкиным по поводу истинного лица невольника, свидетельствуют о детальном знании многих обстоятельств французской истории, а значит – о чрезвычайно широком круге пушкинского чтения, в который входили разнообразные источники: мемуары, дневники, путевые записки, переписка, исторические труды, французская пресса.

Ю.Б. Татаринцов предполагает, что Пушкин «относился к заметке как к черновому наброску или как к рабочему материалу для последующей разработки» [5, с. 133]. Действительно, тема дворцовых интриг, затронутая в заметке, была хорошо знакома Пушкину из русской истории. Кроме того, сюжет, связанный с узником, также был близок поэту, прошедшему две ссылки, поэтому вполне вероятно, что вольтеровский материал мог рассматриваться поэтом в качестве «рабочего» текста.

По наблюдению Ю.М. Лотмана, в период южной ссылки «образы узника, беглеца, изгнанника сконцентрированы в художественных произведениях Пушкина. Но они отделяются от конкретных стихотворений, проникают в письма, посылаемые им на север, видимо, и в разговоры и, обволакивая поэта определенным образным покрывалом, стилизуют его личность и судьбу в глазах современников» [3, с. 67]. Как мы видим, отголоски этой темы присутствуют и в пушкинских заметках середины 1830-х гг. Таким образом, эпизоды французской истории в пушкинском сознании оказываются спроецированными на глубоко личные обстоятельства судьбы поэта.

Пушкин ощущал смысловой, сюжетный потенциал, как серьезного исторического факта, документа, так и фамильного анекдота. Французский опыт интересует Пушкина и как точка зрения европейца на события русской истории. В одной из своих статей писатель представляет перевод «Записок бригадира Моро-де-Бразе (касающихся до турецкого похода 1711 года)». Пристальное внимание к документальной стороне источника проявляется уже в том, что Пушкин отдает предпочтение не пересказу, но переводу, сохраняя тем самым своеобразие и достоверность подлинника. В предисловии к «Запискам» Пушкин называет их важным историческим документом, «который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве» [4, X, с. 253].

Характер заметки «18 брюмера», сделанной Пушкиным со слов испанского посла, указывает не только на интерес поэта и его знание французских политических деятелей, но также на совершенно особенное внимание Пушкина к французским событиям конца XVIII в. В связи с заметкой Я.Л. Левкович отмечает ту же черту пушкинского сознания, о которой шла речь выше, – пристальное внимание к историческому факту и почти научная строгость в передаче его: «Разговор велся на французском языке, и, стремясь к возможной точности в передаче важного исторического события, <...>, Пушкин воспользовался этим языком и для своей записи» [2, с. 37].

В пушкинской заметке «О народном воспитании», посвященной, казалось бы, конкретному вопросу внутренней жизни России, оказываются сопряженными недавние события европейской истории и одно из самых трагических событий русской истории XIX века – восстание декабристов: «Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию

наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, <...>» [XI, с. 43]. Для пушкинского поколения сама эпоха сделала очевидной ту связь между внутренними и внешними событиями, которую на каждом шагу обнаруживает историческое сознание Пушкина: «в основе запросов, на которые Пушкину отвечали уроки французской культурной жизни, лежали интересы национального развития русской мысли» [6, с. 64–65].

Динамика процессов исторической, литературной, наконец, – духовной жизни самого Пушкина хорошо видна в эволюции его отношения к одному из «кумиров» своей юности – Вольтеру. Вольтер для Пушкина оказывается знаковой фигурой, с точки зрения исторических и литературных перемен в жизни Европы.

В 1820 году в письме Вяземскому Пушкин выразил свое ощущение границы, разделившей XVIII и XIX века: «Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов – жалеть кажется нечего – а все-таки жаль» [4, XIII, с. 15]. Утрата в обществе интереса к фигуре литератора становится для Пушкина симптомом перемен, смены ценностей в сознании современного человека. Личность Вольтера для русского поэта станет одной из самых «смысловых» во французской культуре: количество поводов обращаться к ней и аспектов, под углом зрения которых Пушкин рассматривает фигуру французского философа и литератора, делает этот образ знаковым в колоритной персонификации Франции: роль эпохи Просвещения, связь идей Просвещения с идеями Великой французской революции, художник (философ) и власть, идеи независимости и самостоятельности человеческой личности перед лицом жизненных испытаний и т.д.

Симптоматично, что практически в каждой статье, заметке пушкинские размышления начинаются (а порой и ограничиваются) рассмотрением исключительно французского опыта.

В черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург», говоря о цензуре, выступая за необходимость ограничения свободы печати, Пушкин ссылается на ситуацию в современной Франции: «Взгляните на нынешнюю Францию. Лю<довик> Ф.<илипп>, воцарившийся милостию своб.<одного> книгоп.<ечатания>, принужден уже обзывать сию свободу, несмотря на отчаянные крики оппозиции» [4, XI, с. 236].

Амбивалентный французский опыт оказывается применим для Пушкина в любой области. В «Путешествии из Москвы в Петербург», комментируя отрывок из «Путешествия...» Радищева, Пушкин ссылается на Фонвизина, сопоставляющего исторические судьбы русского и французского крестьянства: «Фон-Визин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. <...> Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...» [4, XI, с. 257].

Размышляя о рекрутской повинности, которая была нормой русской жизни, Пушкин не случайно обращается к французскому опыту: «Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции» [4, XI, с. 260]. То, что издавна стало нормой русской жизни, совершенно иначе было пережито французами. Но за одной проблемой для Пушкина открывается другая, со всей остротой занимавшая его в 30-х годах: причины народных бунтов и мятежей. Исторический опыт французской революции 1789-1794 гг. и июльские события во Франции 1830 г., работа над «Истори-

ей Пугачева», русские холерные бунты и бунты в военных поселениях со всей непреложностью ставили вопрос об их причинах.

Одну из этих причин обнаруживает Пушкин, обратившись к проблемам русского рекрутства и французской конскрипции. «Конскрипция по краткости времени службы в течение 15 лет, делает из всего народа одних солдат, и тогда смотрите, что делается во Франции во время народных мятежей. Мещане дерутся, как солдаты, а солдаты рассуждают, как мещане. Обе стороны, одна с другой тесно связанные, вскоре мирятся и обнимаются, и обращаются противу правительства» [Там же, с. 260]. Французская ситуация дает модель тех необратимых перемен с армией и народными низами, которые создают почву для мятежей. Можно не сомневаться, что анализ последствий французской конскрипции имеет непосредственное отношение к обстоятельствам русской жизни, хотя прямо об

этом Пушкин не говорит.

Количество пушкинских обращений к французскому опыту колоссально. Каждый из таких фактов, каким бы частным, мелким он ни выглядел наружно, обнаруживает идущий через него «ток» пушкинского сознания. Глубокая работа исследователей вскрывает за ними напластования и логику пушкинской мысли. Б.В. Томашевский назвал пушкинское восприятие жизни «интегральным»: «в своем творчестве он не замыкался от впечатлений всего многообразия культурной жизни» [6, с. 173]. Эта особенность пушкинской личности вполне проявляется в восприятии французской истории и культуры. Само разнообразие и разрозненность отсылок к разным сторонам французской жизни говорят, прежде всего, о том, что французское пространство для Пушкина – динамическое пространство жизни, которое можно постигать, но процесс ее постижения, по определению, не может быть завершен.

Список литературы

1. *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка: биография отдельного лица. – СПб.: Акад. проект, 1999. – 397 с.
2. *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. – Л.: Наука, 1988. – 328 с.
3. *Лотман Ю. М.* Пушкин. – СПб.: Искусство СПб., 2011. – 847 с.
4. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 17 т. – Т. 10–13. – М.: Воскресенье, 1994–1998.
5. *Татаринов Ю. Б.* К заметке Пушкина <<О Железной Маске>> // Временник Пушкинской комиссии. – Л.: Наука, 1981. – С. 132–136.
6. *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 498 с.